

А/4934570831

РУССКАЯ
КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ
ДЕРПТСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

ВЫПУСКЪ I-ый.

Карамзинъ: Наталья, Боярская дочь.

ДЕРПТЬ.

Въ типографіи К. Матисена.

1872.

РУССКАЯ
КЛАСНАЯ БИБЛИОТЕКА

для

ДЕРПТСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

ВЫПУСКЪ I

Карамзинъ: Наталья, Боярская дочь.

ДЕРПТЬ.

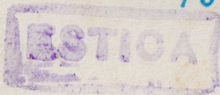
Въ типографіи К. Матисена.

1872.

Est.

7655

A-9345

Дозволено Цензурою. Г. Дерптъ, 20-го Юля 1872 г.

НАТАЛЬЯ,

БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Русскіе были Русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ, по своему сердцу, то есть говорили, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена, люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнію давноистлѣвшихъ вязовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Русскаго, и съ нѣжностію цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣться на своего почтительнаго правнука, не могутъ наговориться со мною, удивиться моему разуму, потому что я, разсуждая съ ними о старыхъ и новыхъ модахъ, всегда отдаю преимущество ихъ подкапкамъ и шубейкамъ передъ нынѣшними bonnets à la.... и всѣми Галло-Албіонскими нарядами,

блистающими на Московскихъ красавицахъ въ концѣ осьмаго-надесять вѣка. Такимъ образомъ (конечно понятнымъ для всѣхъ читателей) старая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ; и если угрюмая Парка еще нѣсколько лѣтъ не перерѣжетъ жизненной моей нити, то наконецъ не найду я и мѣста въ головѣ своей для всѣхъ анекдотовъ и повѣстей, рассказываемыхъ мнѣ жителями прошедшихъ столѣтій. Чтобы облегчить не много грузъ моей памяти, намѣренъ я сообщить любезнымъ читателямъ одну быль, или исторію, слышанную мною въ области тѣней, въ царствѣ воображенія, отъ бабушки моего дѣдушки, которая въ свое время почиталась весьма краснорѣчивою, и почти всякій вечеръ сказывала сказки Царицѣ Н. Н. Только страшусь обезобразить повѣсть ея; боюсь, чтобы старушка не примчалась на облакѣ съ того свѣта и не наказала меня клюкою своею за худое риторство... Ахъ, нѣтъ! прости безразсудность мою, великодушная тѣнь — ты неудобна къ такому дѣлу! Въ самой земной жизни своей была ты смирна и незлобна какъ юная овечка; рука твоя не умертвила здѣсь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда покойно отдыхала на носу твоёмъ: и такъ возможно ли, чтобы теперь, когда ты плаваешь въ морѣ неописаннаго блаженства и дышишь чистѣйшимъ ээиромъ

неба — возможно ли, чтобы рука твоя поднялась на твоего покорнаго праправнука? Нѣтъ! ты дозволишь ему безпрепятственно упражняться въ похвальномъ ремеслѣ марать бумагу, взводить небылицы на живыхъ и мертвыхъ, испытывать терпѣніе своихъ читателей, и наконецъ, подобно вѣчно-зѣвающему богу Морфею, низвергать ихъ — на мягкіе диваны и погружать въ глубокой сонъ... Ахъ! въ самую сію минуту вижу необыкновенный свѣтъ въ темномъ моемъ корридорѣ; вижу огненные круги, которые вертятся съ блескомъ и съ трескомъ, и наконецъ -- чудо! являютъ мнѣ твой образъ, образъ неописанной красоты, неописаннаго величества! Очи твои сіяютъ, какъ солнце; уста твои алѣютъ, какъ заря утренняя, какъ вершины нѣжныхъ горъ при восходѣ дневнаго свѣтила — ты улыбаешься, какъ юное твореніе въ первый день бытія своего улыбалось, и въ восторгѣ слышу я *сладко-гремящія* слова твои: „продолжай, любезный мой праправнукъ!“ Такъ, я буду продолжать, буду; и вооружась перомъ, мужественно начертаю исторію *Натальи, Боярской дочери*. — Но прежде должно мнѣ отдохнуть; восторгъ, въ который привело меня явленіе прапрабабушки, утомилъ душевныя мои силы. На нѣсколько минутъ кладу перо — и сіи написанныя строки да будутъ вступленіемъ или предисловіемъ!

Въ престольномъ градѣ славнаго Русскаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Матвѣй Андреевъ, человекъ богатый, умный, вѣрный слуга царскій и, по обычаю Русскихъ, великій хлѣбосоль. Онъ владѣлъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, — чему въ наши просвѣщенные времена, можетъ быть, не всякій повѣритъ, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостію. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правый глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ въ помощь Боярина Матвѣя, и Бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: *сей правъ* (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) *по моей совѣсти; сей виноватъ по моей совѣсти* — и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстію Царскою. Дѣло рѣшалось безъ замедленія: правый подымалъ на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на добраго Государя и добраго Боярина; а виноватый бѣжалъ въ густые лѣса, сокрыть стыдъ свой отъ человеквъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновеніи Боярина Матвѣя, обыкновеніи, которое достойно подражанія во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, въ каждый дванадесятый праздникъ постав-

лялись длинные столы въ его горницахъ, чистыми скатертьми накрытые, и Бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ воротъ своихъ, звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ *) людей, сколько ихъ могло помѣститься въ жилищѣ боярскомъ; потомъ, собравъ полное число, возвращался въ домъ, и указавъ мѣсто каждому гостю, садился самъ между ими. Тутъ въ одну минуту являлись на столахъ чаши и блюда, и ароматическій паръ горячаго кушанья, какъ бѣлое тонкое облако, вился надъ головами обѣдающихъ. Между тѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ гостями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними, какъ съ друзьями. Такъ въ древнія патріархальныя времена, когда вѣкъ человѣческій былъ не столь кратокъ, почтенными сѣдинами украшенный старецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ — смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей. — Послѣ обѣда всѣ неимущіе братья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: *Добрый, добрый Бояринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здо-*

*) Въ истинѣ сего увѣрялъ меня не одинъ старый человѣкъ.

ровье! Сколько капель въ нашихъ чаркахъ, столько лить живи благополучно! Они пили и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скатерть.

Таковъ былъ Бояринъ Матвѣй, вѣрный слуга Царскій, вѣрный другъ человѣчества. Уже минуло ему шестьдесятъ лѣтъ; уже кровь медленнѣе обращалась въ жилахъ его; уже тихое трепетаніе сердца возвѣщало наступленіе жизненнаго вечера и приближеніе ночи — но доброму ли бояться сего густаго непроницаемаго мрака, въ которомъ теряются дни человѣческіе? Ему ли страшиться сего тѣнистаго пути, когда съ нимъ доброе сердце его, когда съ нимъ добрыя дѣла его? Онъ идетъ впередъ безтрепетно, наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣтила, обращаетъ покойный взоръ на прошедшее, и съ радостнымъ — хотя темнымъ, но не менѣе того радостнымъ предчувствіемъ заноситъ ногу въ оную неизвѣстность. — Любовь народная, милость царская были наградою добродѣтелей стараго Боярина; но вѣнцемъ его счастья и радостей была любезная Наталья, единственная дочь его. Уже давно оплакалъ онъ мать ея, которая заснула вѣчнымъ сномъ въ его объятіяхъ; но кипарисы супружеской любви покрылись цвѣтами любви родительской — въ юной Натальѣ увидѣлъ онъ новой образъ умершей и, вмѣсто горькихъ слезъ печали, возсіяли въ глазахъ его

сладкія слезы нѣжности. Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣтъ подобно розѣ; роза всѣхъ прекраснѣе: много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царство Русское искони почиталось жилищемъ красоты и пріятностей; но никакая красавица не могла сравняться съ Натальею — Наталья была всѣхъ прелестнѣе. Пусть читатель вообразить себѣ бѣлизну Италіянскаго мрамора и Кавказскаго снѣга, онъ все еще не вообразить бѣлизны лица ея — и представя себѣ цвѣтъ Зефировой любвицы, все еще не будетъ имѣть совершеннаго понятія объ алости щекъ Натальиныхъ. Я боюсь продолжать сравненіе, чтобы не наскучить читателю повтореніемъ извѣстнаго; ибо въ наше роскошное время весьма истоцился магазинъ піитическихъ уподобленій красоты, и не одинъ писатель съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ. Довольно знать и того, что самые богомольные старики, видя боярскую дочь у обѣдни, забывали класть земные поклоны, и самыя пристрастныя матери отдавали ей преимущество передъ своими дочерями. Сократъ говорилъ, что красота тѣлесная бываетъ всегда изображеніемъ душевной. Намъ должно повѣрить Сократу, ибо онъ былъ во первыхъ искуснымъ ваятелемъ, (слѣдственно зналъ принадлежности красоты тѣлесной), а во вторыхъ мудрецомъ или любителемъ мудрости

(слѣдственно зналъ хорошо красоту душевную). По крайней мѣрѣ наша прелестная Наталья имѣла прелестную душу, была нѣжна, какъ горлица, невинна, какъ агнецъ, мила, какъ Май мѣсяцъ; однимъ словомъ, имѣла всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя Русскіе не читали тогда ни Локка о *воспитаніи*, ни Руссова *Эмиля* — во первыхъ для того, что сихъ авторовъ еще и на свѣтѣ не было, а во вторыхъ и потому, что худо знали грамотѣ — не читали и воспитывали дѣтей своихъ, какъ натура воспитываетъ травки и цвѣточки, то есть, поили и кормили ихъ, оставляя все прочее на произволь судьбы; но сія судьба была къ нимъ милостива, и за довѣренность, которую имѣли они къ ея всемогуществу, награждала ихъ почти всегда добрыми дѣтьми, утѣшеніемъ и подпорою ихъ старыхъ дней.

Одинъ великій психологъ, котораго имени я право не упомяну, сказалъ, что описаніе дневныхъ упражненій человѣка есть вѣрнѣйшее изображеніе его сердца. По крайней мѣрѣ я такъ думаю, и съ дозволенія моихъ любезныхъ читателей опишу, какъ Наталья, боярская дочь, проводила время свое отъ восхода до заката краснаго солнца. Лишь только первые лучи сего великолѣпнаго свѣтила показывались изъ-за утренняго облака, изливая на тихую землю жидкое, неосязаемое золото, красавица наша пробуждалась, от-

крывала черные глаза свои и, перекрестившись бѣлою атласною, до нѣжнаго локтя обнаженною рукою, вставала, надѣвала на себя тонкое шелковое платье, камчатную тѣлогрѣю, и съ распущенными темнорусыми волосами подходила къ круглому окну высокаго своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой природы — взглянуть на златоглавую Москву, съ которою лучезарный день снималъ туманный покровъ ночи, и которая, подобно какой нибудь огромной птицѣ, пробужденной гласомъ утра, въ вѣяніи вѣтерка стряхивала съ себя блестящую росу — взглянуть на Московскія окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рошу, которая, какъ сизый, кудрявый дымъ, терялась отъ глазъ въ неизмѣримомъ отдаленіи, и гдѣ жили тогда всѣ дикіе звѣри сѣвера; гдѣ страшный ревъ ихъ заглушалъ мелодіи птицъ поющихъ. Съ другой стороны являлись Натальину взору сверкающіе изгибы Москвы-рѣки, цвѣтуція поля и дымящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселяне на работы свои — поселяне, которые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваются, такъ же живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляютъ намъ еще истинную русскую физиономію. Наталья смотрѣла, опершись на окно, и чув-

ствовала въ сердцѣ своемъ тихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалить натуры, но умѣла ея наслаждаться; молчала и думала: *какъ хороша Москва блокаменная! какъ хороши ея окружности!* Но того не думала Наталья, что сама она въ утреннемъ своемъ нарядѣ была всего прекраснѣе. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидѣніями, красила нѣжныя щеки ея алѣйшимъ румянцемъ; солнечные лучи играли на бѣломъ ея лицѣ и, проникая сквозь черныя, пушистыя рѣсницы, сіяли въ глазахъ ея свѣтлѣе, нежели на золотѣ. Волосы, какъ темнокофейный бархатъ, лежали на плечахъ и на бѣлой, полуоткрытой груди; но скоро прелестная скромность, стыдясь самаго солнца, самаго вѣтерка, самыхъ нѣмыхъ стѣнъ, закрывала ее полотномъ тонкимъ. Потомъ будила свою няню, вѣрную служанку ея покойной матери. *Вставай, мама!* говорила Наталья: *скоро заблаговѣстятъ къ обѣднѣ.* Мама вставала, одѣвалась, называла свою барышню раннею птичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ее длинные волосы бѣлымъ костянымъ гребнемъ, заплетала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелестницы жемчужною повязкою. Такимъ образомъ снарядившись, дожидались онѣ благовѣста и, заперевъ замкомъ свѣтлицу свою, (чтобы въ отсутствіе ихъ не закрался въ нее какой нибудь недобрый человекъ), отправлялись къ обѣднѣ. „Всякій день?“ спросить

читатель. Конечно — таковъ былъ въ старину обычай — и развѣ зимою одна жестокая вьюга, а лѣтомъ проливной дождь съ грозою могли тогда удержать красную дѣвицу отъ исполненія сей набожной должности. Становясь всегда въ уголкѣ трапезы, Наталья молилась Богу съ усердіемъ, и между тѣмъ изъ подлѣбья посматривала направо и налево. Въ старину не было ни клобовъ, ни маскерадовъ, куда нынѣ ѣздить себя казать и другихъ смотрѣть: и такъ гдѣ же, какъ не въ церкви, могла тогда любопытная дѣвушка поглядѣть на людей? Послѣ обѣдни Наталья раздавала всегда нѣсколько копѣекъ бѣднымъ людямъ, и приходила къ своему родителю, съ нѣжною любовію цѣловать его руку. Старецъ плакалъ отъ радости, видя, что дочь его день ото дня становилась лучше и милѣе, и не зналъ, какъ благодарить Бога за такой неоцѣненный даръ, за такое сокровище. Наталья садилась подлѣ него, или шить въ пальцахъ, или плести кружево, или сучить шелкъ, или низать ожерелье. Нѣжный родитель хотѣлъ смотрѣть на работу ея, но вмѣсто того смотрѣлъ на нее самое, и наслаждался безмолвнымъ умиленіемъ. Читатель, знаешь ли ты по собственному опыту родительскія чувства? Если нѣтъ, то вспомни по крайней мѣрѣ, какъ любовались глаза твои пестрою гвоздичкою или бѣленькимъ ясиномъ, тобою посаженнымъ; съ какимъ

удовольствіемъ разсматривалъ ты ихъ краски и тѣни, и сколь радовался мыслию: *это мой цвѣтокъ*; я посадилъ его и выростилъ! вспомни и знай, что отцу еще веселѣе смотрѣть на милую дочь, и веселѣе думать: *она моя!* — Послѣ русскаго сытнаго обѣда Бояринъ Матвѣй ложился отдыхать, а дочь свою съ ея мамою отпускалъ гулять или въ садъ, или на большой зеленый лугъ, гдѣ нынѣ возвышаются *Красныя ворота* съ трубящею славою. Наталья рвала цвѣты, любовалась летающими бабочками, питалась благоуханіемъ травъ, возвращалась домой весела и покойна, и принималась снова за рукодѣлье. Наступалъ вечеръ — новое гулянье, новое удовольствіе; иногда же юныя подружки приходили дѣлать съ нею часы прохлады и разговаривать о всякой всячинѣ. Самъ добрый Бояринъ Матвѣй бывалъ ихъ собесѣдникомъ, если государственныя или нужныя домашнія дѣла не занимали его времени. Сѣдая борода его не пугала молодыхъ красавицъ; онъ умѣлъ забавлять ихъ пріятнымъ образомъ, и рассказывалъ имъ приключенія благочестиваго Князя Владиміра и могучихъ богатырей россійскихъ.

Зимою, когда не лзя было гулять ни въ саду, ни въ полѣ, Наталья каталась въ саняхъ по городу, и ѣздила по вечерникамъ, на которыя собирались однѣ дѣвушки, тѣшиться и веселиться, и невиннымъ образомъ сокра-

щать время. Тамъ мамы и няни выдумывали для своихъ барышень разныя забавы; играли въ жмурки, прятались, хоронили золото, пѣли пѣсни, рѣзвились, не нарушая благопристойности, и смѣялись безъ насмѣшекъ, такъ что скромная и цѣломудренная Дриада могла бы всегда присутствовать на сихъ вечерникахъ. Глубокая полночь разлучала дѣвушекъ, и прелестная Наталья въ объятіяхъ мрака наслаждалась покойнымъ сномъ, которымъ всегда юная невинность наслаждается.

Такъ жила боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ея наступила; травка зазеленѣлась, цвѣты расцвѣли въ полѣ, жаворонки запѣли — и Наталья, сидя поутру въ свѣтлицѣ своей подь окномъ, смотрѣла въ садъ, гдѣ съ кусточка на кусточекъ порхали птички и, нѣжно лобызаясь своими маленькими носиками, прятались въ густоту листьевъ. Красавица въ первый разъ замѣтила, что они летали парами — сидѣли парами, и скрывались парами. Сердце ея какъ будто бы вздрогнуло — какъ будто бы какой нибудь чародѣй дотронулся до него волшебнымъ жезломъ своимъ! Она вздохнула — вздохнула въ другой и въ третій разъ — посмотрѣла вокругъ себя — увидѣла, что съ нею никого не было, никого, кромѣ старой няни, (которая дремала въ углу горницы на красномъ весеннемъ солнышкѣ) — опять вздохнула, и вдругъ брилліантовая слеза сверкнула въ пра-

вомъ глазъ ея, — потомъ и въ лѣвомъ — и обѣ выкатились — одна капнула на грудь, а другая остановилась на румяной щекѣ, въ маленькой нѣжной ямкѣ, которая у милыхъ дѣвушекъ бываетъ знакомъ того, что Купидонъ цѣловалъ ихъ при рожденіи. Наталья подгорюнилась — чувствовала нѣкоторую грусть, нѣкоторую томность въ душѣ своей; все казалось ей не такъ, все не ловко; она встала и опять сѣла — наконецъ, разбудивъ свою маму, сказала ей, что сердце у нее тоскуетъ. Старушка начала крестить милую свою барышню, и съ нѣкоторыми *набожными оговорками* *) бранить того человѣка, который взглянулъ на прекрасную Наталью нечистымъ глазомъ, или похвалилъ ея прелести нечистымъ языкомъ, не отъ чистаго сердца, не въ добрый часъ; ибо старушка была увѣрена, что её сглазили и что внутренняя тоска ея происходитъ не отъ чего другаго. Ахъ, добрая старушка! хотя ты и долго жила на свѣтѣ, однакожь многого не знала; не знала, что и какъ въ нѣкоторыя лѣта начинается у нѣжныхъ дочерей боярскихъ; не знала Но можетъ быть и читатели, (если до сей минуты они все еще держатъ въ рукахъ книгу и не засыпаютъ) — можетъ быть и читатели не знаютъ, что за бѣда случилась

*) На прим. *прости Господи*, и прочее тому подобное, что можно еще слышать и отъ нынѣшнихъ нянюшекъ.

вдругъ съ нашею героинею, чего она искала глазами въ горницѣ, отъ чего вздыхала, плакала, грустила. Извѣстно, что до сего времени веселилась она, какъ вольная птичка, что жизнь ея текла, какъ прозрачный ручеекъ стремится по бѣленькимъ камешкамъ между зланныхъ, цвѣтущихъ бережковъ. Чтожъ сдѣлалось съ нею? Скромная Муза, повѣдай! — Съ небеснаго лазореваго свода, а можетъ быть откуда нибудь и повыше, слетѣла, какъ маленькая птичка колибри, порхала, порхала по чистому весеннему воздуху, и влетѣла въ Натальино нѣжное сердце — *потребность любить, любить, любить!!!* Вотъ вся загадка; вотъ причина красавицыной грусти — и если она покажется кому нибудь изъ читателей не совсѣмъ понятною, то пусть требуетъ онъ подробнѣйшаго изъясненія отъ любезнѣйшей ему осьмнадцатилѣтней дѣвушки. Съ сего времени Наталья во многомъ перемѣнилась — стала не такъ жива, не такъ рѣзва — иногда задумывалась, — и хотя по прежнему гуляла въ саду и въ полѣ, хотя по прежнему проводила вечера съ подругами, но не находила ни въ чемъ прежняго удовольствія. Такъ человекъ, вышедшій изъ лѣтъ дѣтства, видитъ игрушки, которыя составляли забаву его младенчества, — беретъ за нихъ, хочетъ играть; но чувствуя, что онѣ уже не веселятъ его, оставляетъ ихъ со вздохомъ. — Красавица наша не умѣла самой себѣ дать

отчета въ своихъ новыхъ, смѣшанныхъ, темныхъ чувствахъ. Воображеніе представляло ей чудеса. На примѣръ, часто казалось ей (не только во снѣ, но даже и на яву), что передъ нею, въ мерцаніи отдаленной зари, носится какой-то образъ, прелестный, милый призракъ, который манитъ ее къ себѣ ангельскою улыбкою, и потомъ исчезаетъ въ воздухъ. *Ахъ!* воскликнула Наталья, и простертыя руки ея медленно опускались къ землѣ. Иногда же воспаленнымъ мыслямъ ея представлялся огромный храмъ, въ который тысячи людей, мужчинъ и женщинъ, спѣшили съ радостными лицами, держа другъ друга за руку. Наталья хотѣла также войти въ него, но невидимая рука удержала ее за одежду, и неизвѣстный голосъ говорилъ ей: *стой въ притворѣ храма; никто безъ милаго друга не входитъ въ его внутренность.* — Она не понимала сердечныхъ своихъ движеній, не знала, какъ толковать сны свои, не разумѣла, чего желала; но живо чувствовала какой-то недостатокъ въ душѣ своей, и томилась. — Такъ, красавицы! ваша жизнь съ нѣкоторыхъ лѣтъ не можетъ быть счастлива, если течетъ она какъ уединенная рѣка въ пустынѣ; а безъ милаго пастушка цѣлый свѣтъ для васъ. пустыня, и веселые голоса подругъ, веселые голоса птичекъ кажутся вамъ печальными отзывами уединенной скуки. Напрасно, обманывая самихъ себя, хотите

вы пустоту души своей наполнить чувствами дѣвической дружбы; напрасно избираете лучшую изъ подругъ своихъ въ предметъ нѣжныхъ побужденій вашего сердца! Нѣтъ, красавицы, нѣтъ! сердце ваше желаетъ чего-то другаго: оно хочетъ такого сердца, которое не приближалось бы къ нему безъ сильнаго трепета, которое вмѣстѣ съ нимъ составляло бы одно чувство, нѣжное, страстное, пламенное — а гдѣ найти его, гдѣ? Конечно не въ Дафнѣ, конечно не въ Хлоѣ, которыя вмѣстѣ съ вами могутъ только горевать, тайно или явно — горевать и крушиться, желая и не находя того, чего вы сами ищете и не находите въ холодной дружбѣ, но что найдете — или въ противномъ случаѣ вся жизнь ваша будетъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ — найдете въ тѣни миртовой бесѣдки, гдѣ сидитъ теперь въ уныніи, въ тоскѣ милый юноша съ свѣтлоголубыми или черными глазами, и въ печальныхъ пѣсняхъ жалуется на вашу наружную жестокость. — Любезный читатель! прости мнѣ сіе отступленіе! Не одинъ Стернь былъ рабомъ пера своего. — Обратимся снова къ нашей повѣсти.

Бояринъ Матвѣй скоро примѣтилъ, что Наталья стала пасмурнѣе: родительское сердце его потревожилось. Онъ распрашивалъ ее съ нѣжною заботливостію о причинѣ такой переменѣны, и наконецъ, заключивъ, что дочь его неможетъ, отправилъ нарочнаго гонца

къ столѣтней теткѣ своей, которая жила въ темнотѣ Муромскихъ лѣсовъ, собирала травы и коренья, обходилась болѣе съ волками и медвѣдями, нежели съ людьми русскими, и прослыла если не чародѣйкою, то по крайней мѣрѣ велемудрою старушкою, искусною въ леченіи всѣхъ недуговъ человѣческихъ. Бояринъ Матвѣй описалъ ей всѣ признаки Натальиной болѣзни, и просилъ, чтобы она посредствомъ своего искусства возвратила внуку здравіе, а ему старику радость и спокойствіе. — Успѣхъ сего посольства останется въ неизвѣстности; впрочемъ нѣтъ большой нужды и знать его. Теперь должны мы приступить къ описанію важнѣйшихъ приключеній.

Время и въ старину такъ же скоро летѣло, какъ нынѣ, и между тѣмъ, какъ наша красавица вздыхала и томилась, годъ перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лѣта покрылись пушистымъ снѣгомъ; грозная царица хлада возсѣла на ледяной престолъ свой, и дохнула вьюгами на Русское царство, то есть, зима наступила, и Наталья по своему обыкновенію пошла однажды къ обѣднѣ. Помолившись съ усердіемъ, она ненарочно обратила глаза свои къ лѣвому крылосу — и что же увидѣла? Прекрасный, молодой человѣкъ, въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами, стоялъ тамъ, какъ царь среди всѣхъ прочихъ людей, и блестящій,

проницательный взоръ его встрѣтился съ ея взоромъ. Наталья въ одну секунду вся покраснѣлась, и сердце ея, затрепетавъ сильно, сказало ей: *вотъ онъ!* Она потупила глаза свои, но не надолго; снова взглянула на красавца, снова запылала въ лицѣ своемъ, и снова затрепетала въ своемъ сердцѣ. Ей казалось, что любезный призракъ, который ночью и днемъ прельщаль ея воображеніе, былъ не что иное, какъ образъ сего молодого человѣка — и потому она смотрѣла на него, какъ на своего милаго знакомца. Новый свѣтъ возсіялъ въ душѣ ея, какъ будто бы пробужденной явленіемъ солнца, но еще не пришедшей въ себя послѣ многихъ несвязныхъ и замѣшанныхъ сновидѣній, волновавшихъ ее въ теченіи долгой ночи. „И такъ — думала Наталья — и такъ подлинно есть на свѣтѣ такой милый красавецъ, такой человѣкъ, — такой прелестный юноша? . . . Какой ростъ! какая осанка! какое бѣлое, румяное лице! А глаза, глаза у него какъ молнія; я, робкая, боюсь глядѣть на нихъ. Онъ на меня смотритъ, смотритъ очень пристально — даже тогда, когда молится. Конечно и я знакома ему: можетъ быть и онъ, подобно мнѣ, грустилъ, вздыхалъ, думалъ, думалъ и видѣлъ меня, — хотя темно, однакожь видѣлъ, такъ какъ я видѣла его въ душѣ моей.“

Читатель долженъ знать, что мысли

красныхъ дѣвушекъ бываютъ очень быстры, когда въ сердцѣ у нихъ начинается то, чего онѣ долго не называютъ именемъ, и что Наталья въ сіи минуты чувствовала. Обѣдня показалась ей очень коротка. Няня десять разъ дергала ее за камчатную тѣлогрѣю, и десять разъ говорила ей: *пойдемъ, барышня, все кончилось*. Но барышня все еще не трогалась съ мѣста, для того что и прекрасный незнакомецъ стоялъ, какъ вкопанной, подлѣ лѣваго крылоса; они посматривали другъ на друга, и тихонько вздыхали. Старая мама, по слабости зрѣнія своего, ничего не видала, и думала, что Наталья читаетъ про себя молитвы и для того нейдетъ изъ церкви. Наконецъ дьячекъ загремѣлъ ключами: тутъ красавица опомнилась, и видя, что церковь хотятъ запирають, пошла къ дверямъ; а за нею и молодой человѣкъ — она влѣво, онъ направо. Наталья раза два оступилась, раза два роняла платокъ, и должна была воротаться назадъ; незнакомецъ оправлялъ кушакъ свой, стоялъ на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ — на красавицу, и все еще не надѣвалъ бобровой шапки своей, хотя на дворѣ было холодно.

Наталья пришла домой, и ни о чемъ больше не думала, какъ о молодомъ человѣкѣ въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами. Она была не печальна, однакожь и не очень весела, подобно такому человѣку, который

наконецъ узналъ, въ чемъ состоитъ его блаженство, но имѣеть еще слабую надежду имъ насладиться. За обѣдомъ она не ѣла, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ, — ибо для чего не сказать намъ прямо и просто, что Наталья влюбилась въ незнакомца. „Въ одну минуту?“ (скажетъ читатель:) „увидѣвъ въ первый разъ, и не слыхавъ отъ него ни слова?“ Милостивые государи! я рассказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвайтесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь, и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру.

Когда Бояринъ Матвѣй послѣ обѣда заснулъ — (не на Вольтеровскихъ креслахъ, такъ какъ нынѣ спятъ Бояре, а на широкой дубовой лавкѣ) — Наталья пошла съ нянею въ свѣтлицу свою, сѣла подъ любимымъ окномъ, вынула изъ кармана бѣлой платокъ, хотѣла что-то сказать, но раздумала — взглянула на окончины, расписанныя морозомъ — оправила жемчужную повязку на головѣ своей, и потомъ, смотря себѣ на колѣни, тихимъ и немного дрожащимъ голосомъ спросила у няни, каковъ показался ей молодой человекъ, бывшій у обѣдни? Ста-

рушка не понимала, о комъ говорить она. Надлежало изъясниться; но легко ли это для стыдливой дѣвушки? *Я говорю о томъ, продолжала Наталья — о томъ, который — который былъ всѣхъ лучше.* Няня все еще не понимала, и красавица принуждена была сказать, что онъ стоялъ подлѣ лѣваго крылоса и вышелъ изъ церкви за ними. „Я не примѣтила его“ — холодно отвѣчала старушка, и Наталья тихонько пожала прекрасными своими плечиками, удивляясь, какъ можно было его не примѣтить!

На другой день Наталья пришла всѣхъ ранѣе къ обѣднѣ, и вышла всѣхъ позже изъ церкви, но красавица въ голубомъ кафтанѣ тамъ не было — на третій день также не было, и чувствительная боярская дочь не хотѣла ни пить, ни ѣсть, перестала спать и насилу ходить могла; однакожь старалась таить внутреннее свое мученіе какъ отъ родителя, такъ и отъ няни. Только по ночамъ лились слезы ея на мягкое изголовье. „Жестокій! (думала она) жестокій! за чѣмъ скрываешься отъ глазъ моихъ, которые тебя всеминутно ищутъ? Развѣ ты хочешь безвременной смерти моей? Я умру, умру — и ты не выронишь ни слезки на гробъ злосчастной!“ — Ахъ! для чего самая нѣжнѣйшая, самая пламеннѣйшая изъ страстей рождается всегда съ горестію? ибо какой влюбленный не вздыхаетъ, какой влюбленный

не тоскуеть въ первые дни страсти своей, думая, что его не любятъ взаимно!

На четвертый день Наталья опять пошла къ обѣднѣ, не смотря ни на слабость свою, ни на жестокой морозъ, ни на то, что Бояринъ Матвѣй, примѣтивъ наканунѣ необыкновенную блѣдность ея лица, просилъ ее беречь себя и не выходить со двора въ холодное время. Еще никого не было въ церкви. Красавица, стоя на своемъ мѣстѣ, смотрѣла на двери. Вошелъ первый человекъ — не онъ! вошелъ другой — не онъ! третій, четвертый — все не онъ! вошелъ пятый, и всѣ жилки затрепетали въ Натальѣ — это онъ, тотъ красавецъ, котораго образъ навсегда въ душѣ ея впечатлѣлся! Отъ сильнаго внутренняго волненія она едва не упала, и должна была опереться на плечо няни своей. Незнакомецъ поклонился на всѣ четыре стороны, а ей особливо, и притомъ гораздо ниже и почтительнѣе, нежели прочимъ. Темная блѣдность изображалась на его лицѣ, но глаза его сіяли еще свѣтлѣе прежняго; онъ смотрѣлъ почти безпрестанно на прелестную Наталью, (которая отъ нѣжныхъ чувствъ стала еще прелестнѣе), и вздыхалъ такъ неосторожно, что она примѣтила движеніе груди его и, не взирая на свою скромность, угадывала причину. Любовь, надеждою оживляемая, алѣла въ сію минуту на щекахъ милой нашей красавицы; любовь сіяла въ

ея взорахъ; любовь билась въ ея сердцѣ; любовь подымала руку ея, когда она крестилась. — Часъ обѣдни былъ для нея одною блаженною секундою. Всѣ стали выходить изъ церкви; она вышла послѣ всѣхъ, а съ нею и молодой человѣкъ. вмѣсто того, чтобы итти опять въ другую сторону, онъ пошелъ уже слѣдомъ за Натальею, которая поглядывала на него и черезъ правое и черезъ лѣвое плечо свое. Чудное дѣло! любовники никогда не могутъ насмотрѣться другъ на друга, подобно какъ алчный корыстолюбецъ не можетъ никогда насытиться золотомъ. — У воротъ боярскаго дома Наталья въ послѣдній разъ взглянула на красавца, и нѣжнымъ взоромъ сказала ему: *прости, милый незнакомецъ!* Калитка хлопнула, и Наталья слышалось, что молодой человѣкъ вздохнулъ; по крайней мѣрѣ она сама вздохнула. — Старушка няня была на сей разъ примѣтливѣе и, не дождавшись еще ни слова отъ Натальи, начала говорить о незнакомомъ красавцѣ, который провожалъ ихъ отъ церкви. Она хвалила его съ великимъ жаромъ, доказывала, что онъ похожъ на ея покойнаго сына, не сомнѣвалась въ знатномъ родѣ его, и желала барышнѣ своей такого супруга. Наталья радовалась, краснѣлась, задумывалась, отвѣчала: *да! нѣтъ!* и сама не знала, что отвѣчала.

На другой, на третій день опять ходили

къ обѣднѣ; видѣли, кого видѣть желали — возвращались домой, и у воротъ говорили нѣжнымъ взоромъ: *прости!* Но сердце красной дѣвушки есть удивительная вещь: чѣмъ оно довольно нынѣ, тѣмъ не довольно завтра — все болѣе и болѣе, и желаніямъ конца нѣтъ. Такимъ образомъ и Наталья показалось уже мало того, чтобы смотрѣть на прекраснаго незнакомца и видѣть нѣжность въ глазахъ его; ей захотѣлось слышать его голосъ, взять его за руку, быть поближе къ его сердцу, и проч. Что дѣлать? какъ быть? Такія желанія искоренять трудно; а когда они не исполняются, красавицѣ бываетъ грустно. — Наталья опять принялась за слезы. Судьба, судьба! уже ли ты не сжалишься надъ нею? Уже ли захочешь, чтобы свѣтлые глаза ея отъ слезъ померкли? — Посмотримъ, что будетъ.

Однажды передъ вечеромъ, когда Боярина Матвѣя не было дома, Наталья увидѣла въ окно, что калитка ихъ растворилась — вошелъ человѣкъ въ голубомъ кафтанѣ, и работа выпала изъ рукъ Натальиныхъ — ибо сей человѣкъ былъ прекрасный незнакомецъ. *Няня!* сказала она слабымъ голосомъ: *кто это?* Няня посмотрѣла, улыбнулась и вышла вонъ.

„Онъ здѣсь! няня усмѣхнулась; пошла къ нему, вѣрно къ нему — ахъ, Боже мой! что будетъ?“ думала Наталья, смотрѣла въ окно и видѣла, что молодой человѣкъ вошелъ

уже въ сѣни. Сердце ея летѣло къ нему на встрѣчу, но робость говорила ей: *останься!* Красавица повиновалась сему послѣдному голосу, только съ мучительнымъ принужденіемъ, съ великою тоскою: ибо всего несноснѣе противиться влеченію своего сердца. Она вставала, ходила, бралась за то и за другое, и четверть часа показалась ей годомъ. Наконецъ дверь растворилась, и скрипъ ея потрясъ Натальину душу. Вошла няня — взглянула на барышню, улыбнулась, и — не сказала ни слова. Красавица также не начинала говорить и только однимъ робкимъ взоромъ спрашивала: *что, няня? что?* Старушка какъ будто бы веселилась ея смущеніемъ, ея нетерпѣніемъ — долго молчала и, спустя уже нѣсколько минутъ, сказала ей: „знаешь ли, барышня, что этотъ молодой человѣкъ боленъ?“ — *Боленъ? чѣмъ?* спросила Наталья, и цвѣтъ въ лицѣ ея перемѣнился. — „Очень боленъ, продолжала няня: у него такъ болитъ сердце, что бѣдный не можетъ ни пить, ни ѣсть, блѣденъ, какъ полотно, и насилу ходитъ. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эту болѣзнь, и для того онъ прибрелъ ко мнѣ, плачетъ горькими слезами и проситъ, чтобы я помогла ему. Повѣришь ли, барышня, что у меня слезы на глазахъ навернулись? Такая жалость!“ — „Что же, няня? дала ли ты ему лекарство! — „Нѣтъ; я велѣла подождать.“ — Подождать?

гдѣ? — „Въ нашихъ сѣняхъ.“ — Можно ли? Тамъ превеликій холодъ; со всѣхъ сторонъ несетъ, а онъ боленъ! — „Чтожъ мнѣ дѣлать? Внизу у насъ такой чадъ, что онъ можетъ угорѣть до смерти: куда жъ его ввести, пока изготовлю лекарство? Развѣ сюда? Развѣ прикажешь ему войти въ теремъ? Это будетъ доброе дѣло, барышня; онъ человѣкъ честный — станетъ за тебя Богу молиться и никогда не забудетъ твоей милости. Теперь же ба-тюшки нѣтъ дома — сумерки, темно — никто не увидитъ, и бѣды никакой нѣтъ: вѣдь только въ сказкахъ мущины бываютъ страшны для красныхъ дѣвушекъ! Какъ думаешь, сударыня?“ Наталья (не знаю, отъ чего) дрожала и прерывающимся голосомъ отвѣчала ей: *я думаю какъ хочешь ты лучше моего знаешь.* Тутъ няня отворила дверь — и молодой человѣкъ бросился къ ногамъ Натальинымъ. Красавица ахнула, и глаза ея на минуту закрылись; бѣлыя руки повисли, и голова приклонилась къ высокой груди. Незнакомецъ осмѣлился поцѣловать ея руку, въ другой, въ третій разъ, осмѣлился поцѣловать красавицу въ розовыя губы, въ другой, въ третій разъ, и съ такимъ жаромъ, что мама испугалась и закричала: *баринъ! баринъ! помни уговоръ.* Наталья открыла черные глаза свои, которые прежде всего встрѣтились съ черными глазами незнакомца, ибо они въ сію минуту были къ

нимъ всего ближе; и въ тѣхъ, и въ другихъ изображались пламенные чувства, любовію кипящее сердце. Наталья съ трудомъ могла приподнять голову, чтобы вздохомъ облегчить грудь свою. Тогда молодой человѣкъ началъ говорить — не языкомъ романовъ, но языкомъ истинной чувствительности: сказалъ простыми, нѣжными, страстными словами, что онъ увидѣлъ и полюбилъ ее, полюбилъ такъ, что не можетъ быть счастливъ и не хочетъ жить безъ взаимной ея любви. Красавица молчала; только сердце и взоры говорили — но недовѣрчивый незнакомецъ желалъ еще словеснаго подтвержденія и, стоя на колѣняхъ, спросилъ у нея: „Наталья, прекрасная Наталья! любишь ли меня? Твой отвѣтъ рѣшитъ судьбу мою: я могу быть счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, или шумящая Москва-рѣка будетъ гробомъ моимъ.“ — Ахъ, барышня! сказала жалостливая няня: отвѣчай скорѣе, что онъ тебѣ нравень! уже ли захочешь погубить его душу? — *Ты миль сердцу моему*, произнесла Наталья нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на плечо его. *Дай Богъ*, примолвила она, поднявъ глаза на небо и обративъ ихъ снова на восхищеннаго незнакомца — *дай Богъ, чтобъ я была столько же мила тебѣ!* Они обняли другъ друга; казалось, что дыханіе ихъ остановилось. Кто видалъ, какъ въ первый разъ цѣломудренные любовники обнимаются, какъ въ первый разъ

добродѣтельная дѣвушка цѣлуетъ милаго друга, забывая въ первый разъ дѣвическую стыдливость: пусть тотъ и вообразить себѣ сію картину; я не смѣю описывать ее, — но она была трогательна — сама старая няня, свидѣтельница такого явленія, выронила капли двѣ слезъ и забыла напомнить любовнику объ уговорѣ; но богиня непорочности присутствовала невидимо въ Натальиномъ теремѣ.

Послѣ первыхъ минутъ нѣмага восторга молодой человекъ, смотря на красавицу, залился слезами. *Ты плачешь?* сказала Наталья нѣжнымъ голосомъ, приклонивъ голову свою къ его плечу. — „Ахъ! я долженъ открыть тебѣ мое сердце, прелестная Наталья! *) отвѣчалъ онъ: оно еще не совершенно увѣрено въ своемъ счастіи.“ — *Чтоожь ему надобно?* спросила Наталья и съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта — „Объщай, что ты исполнишь мое требованіе.“ — *Скажи, скажи, что такое? Исполню, все сдѣлаю, что велмишь мнѣ!* — Въ нынѣшнюю ночь, когда зайдетъ мѣсяцъ — въ то время, какъ поютъ первые пѣтухи — я приѣду въ саняхъ къ вашимъ воротамъ; ты должна ко мнѣ выйти и ѣхать со мною, вотъ чего отъ тебя тре-

*) Читатель догадается, что старинные любовники говорили не совсѣмъ такъ, какъ здѣсь говорятъ они; но тогдашняго языка мы не могли бы теперь и понимать. Надлежало только *нѣкоторымъ образомъ* поддѣлаться подъ древній колоритъ.

бую!“ — *Вхатъ? въ ныльшнюю ночь? куда? —*
„Сперва въ церковь, гдѣ мы обвѣнчаемся; а
потомъ туда, гдѣ я живу.“ — Какъ? безъ
вѣдома отца моего? безъ его благословенія? —
„Безъ его вѣдома, безъ его благословенія,
или я погибъ!“ — Боже мой! . . . Сердце у
меня замерло. Ухатъ тихонько изъ дома
родительскаго! Что же будетъ съ батюшкою?
Онъ умретъ съ горя, и на душу моей оста-
нется страшный грѣхъ. Милый другъ! для
чего намъ не броситься къ ногамъ его? Онъ
полюбитъ тебя, благословитъ и самъ отпу-
ститъ насъ въ церковь. — „Мы бросимся къ
ногамъ его, но черезъ нѣкоторое время.
Теперь онъ не можетъ согласиться на бракъ
нашъ. Самая жизнь моя будетъ въ опасно-
сти, когда меня узнаютъ.“ — Когда тебя
узнаютъ? тебя, милаго душу моей? Боже
мой! какъ люди злы, если ты говоришь
правду! Только я не могу повѣрить. Скажи
мнѣ, какъ тебя зовутъ? — „Алексѣемъ?“ —
Алексѣемъ? Я всегда любила это имя. Чтоожъ
бѣды, если тебя узнаютъ? — „Все будетъ
тебѣ извѣстно, когда ты согласишься сдѣлать
меня счастливымъ. Прелестная, милая На-
талья! время проходитъ; мнѣ нельзя быть
долѣе съ тобою. Чтобы родитель твой, ко-
тораго я самъ люблю и почитаю за добрыя
дѣла его — чтобы родитель твой не сокру-
шался и не почиталъ дочери своей погибшею,
я напишу къ нему письмо и увѣдомлю, что

ты жива и что онъ можетъ скоро увидѣть тебя. Скажи, скажи, чего ты хочешь; жизни моей или смерти?“ — При сихъ словахъ, произнесенныхъ твердымъ голосомъ, онъ всталъ и смотрѣлъ огненными, пламенными глазами на красавицу. „Ты меня спрашиваешь?“ сказала она съ чувствительностію: „развѣ я не общала тебѣ повиноваться? Съ самаго младенчества привыкла я любить моего родителя, потому что и онъ любить меня, очень, очень любить — (тутъ Наталья обтерла платкомъ слезы свои, которыя одна за другою капали изъ глазъ ея) — тебя знаю недавно, а люблю еще больше: какъ это случилось, не знаю.“ — Алексѣй обнялъ ее съ новымъ восхищеніемъ, снялъ золотой перстень съ руки своей, надѣлъ его на руку Натальѣ, сказалъ: *ты моя!* и скрылся, какъ молнія. Старушка няня проводила его со двора.

Вмѣстѣ съ читателемъ мы искренно порицаемъ ее за то, что она, видѣвъ только раза три молодого человѣка и услышавъ отъ него нѣсколько пріятныхъ словъ, вдругъ рѣшилась бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дома, не зная куда; поручить судьбу свою незнакомому человѣку, котораго, по собственнымъ рѣчамъ его, можно было счесть подозрительнымъ — а что всего болѣе, оставить добраго, чувствительнаго, нѣжнаго отца.... Но такова ужасная любовь! Она можетъ сдѣлать преступникомъ самаго добродѣтель-

нѣйшаго человѣка! И кто, любивъ пламенно въ жизни своей, не поступилъ ни въ чемъ противъ строгой нравственности, тотъ — счастливъ, счастливъ тѣмъ, что страсть его не была въ противоположности съ добродѣтелью — иначе послѣдняя признала бы слабость свою, и слезы тщетнаго раскаянія полились бы рѣкою. Лѣтописи человѣческаго сердца увѣряютъ насъ въ сей печальной истинѣ.

Что принадлежитъ до няни, то молодой человѣкъ (послѣ того, какъ онъ увидѣлъ Наталью въ церкви), нашелъ способъ переговорить съ нею и склонилъ ее на свою сторону разными пышными обѣщаніями и подарками. Увы! люди, а особливо подъ старость, бываютъ падки на серебро и золото. Старушка забыла то, что она болѣе сорока лѣтъ служила безпорочно и вѣрно въ домѣ Боярина Матвѣя — забыла и продала себя незнакомцу. Однакожъ, по остатку честности, взяла съ него слово жениться на прекрасной Натальѣ и до того времени не употреблять во зло ея любви и невинности.

Наталья, по уходѣ своего любовника, стояла нѣсколько минутъ неподвижно; на лицѣ ея видны были знаки сильныхъ душевныхъ движеній, но не сомнѣнія, не колеблемости — ибо она уже рѣшилась! и хотя тихій голосъ изъ глубины сердца, какъ будто бы изъ отдаленной пещеры, спрашивалъ ее: *что ты*

дѣлаешь, безразсудная? но другой голосъ, гораздо сильнѣйшій, въ томъ же самомъ сердцѣ отвѣчалъ за нее: люблю!

Няня возвратилась успокоить Наталью, говоря ей, что она будетъ супругою молодого красавца и что жена, по самому закону, должна все оставить и все забыть для мужа своего. — „Забыть!“ перервала Наталья, вслушавшись въ послѣднія слова: „нѣтъ! я буду помнить моего родителя, буду всякій день объ немъ молиться. Къ тому же онъ сказалъ, что мы скоро бросимся къ ногамъ батюшкинымъ — не такъ ли, няня? — Конечно, барышня! отвѣчала старушка: а что онъ сказалъ, то будетъ. — „Вѣрно будетъ!“ сказала Наталья, и лице ея стало веселѣе.

Бояринъ Матвѣй возвратился домой поздно и, думая, что дочь его уже спитъ, не зашелъ къ ней въ теремъ. Полночь приближалась — Наталья думала не обо снѣ, а объ милomъ другѣ, которому на вѣки отдала она сердце свое и котораго съ нетерпѣніемъ ожидала къ себѣ. Еще мѣсяцъ сіялъ на небѣ — мѣсяцъ, которымъ прежде глаза ея всегда веселились: теперь онъ сталъ ей неприятенъ; теперь думала красавица: „Какъ медленно катишься ты по круглому небу? Зайди скорѣе, мѣсяцъ свѣтлый! Онъ, онъ прійдетъ за мною, когда сокроешься!“ — Луна опустилась — уже часть ея зашла за кругъ земной — мракъ въ воздухѣ сгустился

— пѣтухи запѣли — мѣсяць исчезъ, и серебрянымъ кольцомъ брякнуло въ боярскія ворота. Наталья вздрогнула. *Ахъ, няня! бѣги, бѣги скорѣе; онъ прѣхалъ!* — Черезъ минуту явился молодой человѣкъ, и Наталья бросилась въ его объятія. Вотъ письмо къ твоему родителю, — сказалъ онъ, показавъ бумагу. — „Письмо къ моему родителю? Ахъ! прочти его! я хочу слышать, что ты написалъ.“ — Молодой человѣкъ развернулъ бумагу и прочёлъ слѣдующія строки: „Я люблю милую дочь твою болѣе всего на свѣтѣ — ты не согласился бы отдать ее за меня — она ѣдетъ со мною — прости насъ! любовь всего сильнѣе — можетъ быть со временемъ я буду достоинъ называться зятемъ твоимъ.“ — Наталья взяла письмо, и хотя не умѣла читать, однакожь смотрѣла на него, и слезы лились изъ глазъ ея. „Напиши, сказала она, напиши еще, что я прошу его не плакать, не крушиться, и что эта бумага мокра отъ слезъ моихъ; пиши, что я не вольна сама въ себѣ, и чтобы онъ или забылъ, или простилъ меня.“

Молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана перо и чернильницу — написалъ, что говорила Наталья, и оставилъ письмо на столѣ. Потомъ красавица, надѣвъ лисью шубу свою, помолившись Богу, взявъ съ собою тотъ образъ, которымъ благословила ее покойная мать, и подавъ руку счастливому любовнику,

вышла изъ терема, сошла съ высокаго крыльца, со двора, — взглянула на родительскій домъ, обтерла послѣднія слезы, сѣла въ сани, прижалась къ милому и сказала: *вези меня, куда хочешь!* Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и лошади помчались; но вдругъ раздался жалобный голосъ: *меня покинули, бѣдную, несчастную!* Молодой человекъ оглянулся и увидѣлъ бѣгущую няню, которая оставалась на минуту въ свѣтлицѣ, чтобы прибрать нѣкоторыя изъ драгоценныхъ Наталиныхъ вещей, и которую наши любовники совсѣмъ было забыли; лошадей удержали, посадили старушку, снова поскакали, и черезъ четверть часа выѣхали изъ Москвы. На правой сторонѣ дороги, вдали, свѣтился огонекъ: туда поворотили, и Наталья увидѣла деревянную, низенькую церковь, занесенную снѣгомъ. Алексѣй — (читатель не забылъ имени молодого человека) — Алексѣй ввелъ любовницу свою во внутренность сего ветхаго храма, освѣщеннаго одною маленькою, слабо горящею лампадою. Тамъ встрѣтилъ ихъ старый священникъ, согбенный бременемъ лѣтъ, и дрожащимъ голосомъ сказалъ имъ: „я долго ждалъ васъ, любезныя дѣти! внукъ мой уже заснулъ.“ Онъ разбудилъ мальчика, въ углу церкви спавшаго; поставилъ любовниковъ передъ налой и началъ ихъ вѣнчать. Мальчикъ читалъ, пѣлъ, что надобно, съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха и невѣсту, и

дрожалъ при всякомъ порывѣ вѣтра, который шумѣлъ въ худое окно церкви. Алексѣй и Наталья молились усердно и, произнося обѣтъ свой, смотрѣли другъ на друга съ умиленіемъ и сладкими слезами. По совершеніи обряда престарѣлый священникъ сказалъ новобрачнымъ: *Я не знаю и не спрашиваю, кто вы; но именемъ великаго Бога, котораго намъ и мракъ ночи и шумъ бури проповѣдуетъ — (въ сіе мгновеніе страшно зашумѣлъ вѣтеръ) — именемъ Непостижимаго, ужаснаго для злыхъ, для добрыхъ милосердаго, обещаю вамъ благоденствіе въ жизни, если вы будете всегда любить другъ друга: ибо любовь супружеская есть любовь святая, Божеству пріятная, и кто соблюдаетъ ее въ чистомъ сердцѣ — въ нечистомъ же она жить не можетъ — тотъ пріятенъ Всевышнему. Грядите съ миромъ и помните слова мои!* Новобрачные приняли благословеніе отъ старца, поцѣловали руку его, поцѣловали другъ друга, вышли изъ церкви и поѣхали.

Вѣтеръ заносилъ дорогу; но рѣзвые кони летѣли, какъ молнія — ноздри ихъ дымились, паръ вился столбомъ, и пушистый снѣгъ отъ копытъ ихъ подымался вверхъ облаками. Скоро путешественники наши выѣхали въ темноту лѣса, гдѣ совсѣмъ не было дороги. Старушка няня дрожала отъ страха; но прекрасная Наталья, чувствуя подлѣ себя милаго друга, ничего не боялась. Молодой супругъ

отводилъ рукою всѣ вѣтви и сучья, которые грозили уколоть бѣлое лице супруги его. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, когда сани опускались во глубину сугробовъ, и жаркими поцѣлуями удалялъ холодъ отъ нѣжныхъ розъ, которыя цвѣли на устахъ ея. Около четырехъ часовъ ѣздили они по лѣсу, пробираясь сквозь ряды высокихъ деревьевъ. Уже лошади начинали утомляться и съ трудомъ вытаскивали ноги свои изъ глубинъ снѣжныхъ; сани двигались медленно, и наконецъ Наталья, пожавъ руку своего любезнаго, тихимъ голосомъ спросила у него: *скоро ли мы придемъ?* Алексѣй посмотрѣлъ вокругъ себя, на вершины деревьевъ, и сказалъ, что жилище его не далеко. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ выѣхали они на узкую равнину, гдѣ стоялъ маленькій домикъ, обнесенный высокимъ заборомъ. На встрѣчу къ нимъ вышли пять или шесть человекъ съ пиками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, которые висѣли у нихъ на кушакахъ. Старушка няня, видя сіе дикое, уединенное жилище, посреди непроходимаго лѣса, видя сихъ вооруженныхъ людей и примѣтивъ на лицахъ ихъ нѣчто суровое и свирѣпое, пришла въ ужасъ, всплеснула руками и закричала: *ахти! мы погибли! мы въ рукахъ — у разбойниковъ!*

Теперь могъ бы я представить страшную картину глазамъ читателей — прель-

ценную невинность, обманутую любовь, несчастную красавицу во власти варваровъ, убійць — женою атамана разбойниковъ, свѣдѣтельницаю ужасныхъ злодѣйствъ, и наконецъ, послѣ мучительной жизни, издыхающую на эшафотѣ подъ сѣкирою правосудія, въ глазахъ несчастнаго родителя; могъ бы представить все сіе вѣроятнымъ, естественнымъ, и чувствительный человѣкъ пролилъ бы слезы горести и скорби — но въ такомъ случаѣ я удалился бы отъ исторической истины, на которой основано мое повѣствованіе. Нѣтъ, любезный читатель, нѣтъ! на сей разъ побереги слезы свои — успокойся — старушка няня ошиблась — Наталья не у разбойниковъ!

Наталья не у разбойниковъ! Но кто же сей таинственный молодой человѣкъ, или, говоря языкомъ Оссіанскимъ, *сынъ опасности и мрака*, живущій во глубинѣ лѣсовъ? — Прошу читать далѣе.

Наталья потревожилась восклицаніемъ няни, схватила Алексѣя за руку и, смотря ему въ глаза съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но съ полною довѣренностію къ любимцу души своей, спросила: *идь мы?* Молодой человѣкъ взглянулъ съ гнѣвомъ на старушку; потомъ, устремивъ нѣжный взоръ на милую Наталью, отвѣчалъ ей съ улыбкою: *ты у добрыхъ людей — не бойся*. Наталья успокоилась: ибо тотъ, кого она любила, велѣлъ ей успокоиться!

Вошли въ домигъ, раздѣленный на двѣ половины. „Здѣсь живутъ люди мои, (сказаль Алексѣй, указывая направо), а здѣсь я.“ Въ первой горницѣ висѣли мечи и бердыши, шишаки и панцири, а въ другой стояла высокая кровать, и передъ иконою Богоматери горѣла лампада. Наталья тутъ же поставила и свой образъ; помолилась и, взглянувъ умильно на Алексѣя, низехонько поклонилась ему, какъ хозяину въ домѣ. Молодой супругъ снялъ съ красавицы лисью шубу, дыханіемъ своимъ отогрѣлъ ея руки, посадилъ ее на дубовую лавку, смотрѣлъ на прелестную, и плакалъ отъ радости. Милая Наталья вмѣстѣ съ нимъ плакала: ибо нѣжность и счастье имѣють также слезы свои

Красавица забыла любопытство, или, лучше сказать, она совсѣмъ не имѣла его, зная то, что милый душѣ ея не можетъ быть злымъ человѣкомъ. Ахъ! если бы всѣ люди, сколько ихъ было тогда въ русскомъ царствѣ, въ одинъ голосъ сказали Натальѣ: *Алексѣй злодѣй!* она бы съ тихою улыбкою отвѣчала имъ: *нѣтъ! . . . сердце мое знаетъ его лучше, нежели вы; сердце мое говоритъ, что онъ всѣхъ любезнѣе, всѣхъ добрѣе. Я васъ не слушаю.*

Но Алексѣй самъ говорить началъ. „Любезная Наталья! сказалъ онъ: тайна жизни моей должна тебѣ открыться. Воля Всевышняго соединила насъ на вѣки; ничто уже

не можетъ разорвать союза нашего. Супругъ не долженъ ничего скрывать отъ супруги своей. И такъ знай, что я сынъ несчастнаго Боярина Любославскаго.“ — — — *Любославскаго? Возможно ли? Батюшка сказывалъ мнѣ, что онъ пропалъ безъ вѣсти.* — „Его уже нѣтъ на свѣтѣ! Выслушай. — Ты не помнишь, но конечно слыхала о тѣхъ волненіяхъ и бунтахъ, которые лѣтъ за тринадцать передъ симъ возмущали спокойствіе нашего царства. Нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ честолюбивыхъ Бояръ возстали противъ законной власти юнаго Государя; но скоро гнѣвъ Божескій наказалъ мятежниковъ — разсѣялись какъ прахъ многочисленные ихъ сообщники, и кровь главныхъ бунтовщиковъ пролилась на лобномъ мѣстѣ. Родитель мой по нѣкоторому подозрѣнію, но совершенно ложному, взятъ былъ подъ стражу. Онъ имѣлъ непріятелей, злыхъ и коварныхъ; представили доказательства мнимой его измѣны и согласія съ мятежниками; отецъ мой клялся въ своей невинности, но обстоятельства осуждали его, и рука вышняго судіи готова была подписать ему смерть . . . надежда исчезла въ душѣ невиннаго — одинъ Всевышній могъ спасти его — и спасъ. Вѣрный другъ отворилъ ему дверь темницы — и родитель мой скрылся, взявъ съ собою самыхъ усерднѣйшихъ слугъ и меня, двѣнадцатилѣтняго сына своего. Въ предѣлахъ

Россіи не было для насъ безопасности: мы удалились въ ту страну, гдѣ рѣка Свіага вливается въ величественную Волгу и гдѣ многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету — народы суевѣрные, но страннoлюбивые. Они приняли насъ дружески, и мы около десяти лѣтъ жили съ ними; не имѣли ни въ чемъ недостатка, но безпрестанно горевали о своемъ отечествѣ; сидѣли на высокомъ берегу Волги и, смотря на ея волны, несущіяся отъ странъ Россійскихъ, проливали жаркія слезы; всякая птица, летѣвшая съ запада, *) казалась намъ милѣе; всякую птицу, на западъ летѣвшую, провожали мы глазами и — вздохами. — Между тѣмъ отецъ мой ежегодно посылалъ въ Москву тайнаго гонца и получалъ письма отъ своего друга, которыя всегда подавали ему надежду, что невинность наша рано или поздно откроется и что мы съ честію можемъ возвратиться въ отечество. Но скорбь изсушила сердце моего родителя; силы его исчезали, и глаза покрылись густымъ мракомъ. Безъ ужаса чувствовалъ онъ приближеніе конца своего — благословилъ меня — и сказавъ: *Богъ и другъ нашъ не оставятъ тебя*, умеръ въ моихъ объятіяхъ. Не буду говорить тебѣ о горести бѣднаго сироты; нѣсколько мѣсяцевъ глаза мои не просыхали.

*) То есть, отъ Россіи.

— Я увѣдомилъ друга нашего о моемъ несчастіи: въ отвѣтъ своемъ, изъявляя душевную скорбь о кончинѣ невиннаго страдальца, умершаго въ странѣ иноплеменныхъ и погребеннаго въ землѣ нехристіанской, сей благодѣтельный другъ звалъ меня въ Россію. „Верстахъ въ 40 отъ Москвы (писалъ онъ) „въ дремучемъ, непроходимомъ лѣсу, построилъ я уединенный домикъ, неизвѣстный „никому, кромѣ меня и надежныхъ людей „моихъ. Тамъ будешь ты жить до времени „въ совершенной безопасности. Посланный „знаеть сіе мѣсто.“ — Я изъявилъ благодарность мою гостепріимнымъ жителямъ Волжскихъ береговъ; простился съ зеленою могилою родителя моего; поцѣловалъ и оросилъ слезою каждый цвѣточекъ, каждую травку, на ней растущую; возвратился съ вѣрными слугами въ предѣлы Россіи, облобызалъ отечественную землю — и въ густотѣ темнаго лѣса, на узкой равнинѣ, нашель сей пустынный домикъ, гдѣ ты теперь со мною, любезная Наталья. Здѣсь встрѣтилъ меня сѣдой старецъ и сказалъ дрожащимъ голосомъ: *Ты сынъ Боярина Любославскаго! Господинъ мой, вѣрный другъ его — тотъ, кто хотѣлъ быть вторымъ отцомъ твоимъ и строилъ для тебя сіе жилище, скончался! — Но онъ помнилъ о сиротѣ при кончинѣ своей. Здѣсь найдешь все нужное для жизни; найдешь сокровища: они твои.* — Я поднялъ

глаза на небо; молчалъ — и слезы мои ка-
тились градомъ. „Кто будетъ моимъ помощ-
„никомъ? думалъ я: моимъ наставникомъ?
„Я одинъ въ свѣтѣ! Всевышній! Ты,
„Кому поручилъ меня родитель мой! не о-
„ставь бѣднаго!“

„Я поселился въ пустынь; видѣлъ у
себя множество серебра и золота, но ни мало
имъ не утѣшался. Черезъ нѣсколько дней
захотѣлось мнѣ побывать въ царственномъ
градѣ, гдѣ никто не могъ узнать меня. Ста-
рый служитель моего благодѣтеля указалъ
мнѣ на деревьяхъ разныя мѣты, которыя вели
къ большой Московской дорогѣ и которыя
никому кромѣ насъ не могли быть понятны.
Я увидѣлъ блестящія главы церквей, народное
множество, огромные дома, всѣ чудеса вели-
каго града, и радостныя слезы сверкнули въ
глазахъ моихъ. Златые дни младенчества,
дни невинности и забавы, проведенные мною
въ Русской столицѣ, представились моимъ
мыслямъ, какъ веселое сновидѣнiе. Я искалъ
нашего бывшего дома и нашелъ одинъ пустыя
стѣны, въ которыхъ порхали летучія мыши —
хладный ужасъ разлился по моей внутренности.

„Потомъ я часто бывалъ въ Москвѣ,
останавливаясь въ одной тихой гостинницѣ
и называя себя иногороднымъ купцомъ; часто
видалъ Государя, отца народнаго; часто слы-
халъ о благодѣянiяхъ родителя твоего, когда
Бояре, собираясь на площади противъ собор-

ной церкви, рассказывали другъ другу всѣ добрыя и похвальные дѣла, украшавшія столицу. Возвращаясь въ пустыню, я сражался съ дикими звѣрями, которыхъ мы должны были истреблять для собственной нашей безопасности; но часто, выпуская изъ рукъ добычу, упадаль на землю и проливалъ слезы. Вездѣ было мнѣ грустно — въ пустомъ лѣсу и среди народа. Съ горестію ходилъ я по улицамъ царственнаго града и, смотря на людей, которые встрѣчались со мною, думалъ: *Они идутъ къ роднымъ и ближнимъ; ихъ дожидаются; имъ будутъ рады — мнѣ итти не къ кому, меня никто не дожидается; никто о сиротѣ не думаетъ!* Иногда хотѣлось мнѣ броситься къ ногамъ Государя, увѣрить его въ невинности отца моего, въ моей вѣрности къ Царю благочестивому, и поручить его милосердію судьбу мою; но какая-то могущественная невидимая рука не допускала меня исполнить сего намѣренія.

„Пришла мрачная осень, пришла скучная зима; лѣсное уединеніе сдѣлалось для меня еще несноснѣе. Я чаще прежняго сталъ ѣздить въ городъ и — увидѣлъ тебя, прекрасная Наталья! Ты показала мнѣ ангеломъ Божиимъ — — нѣтъ, говорятъ, что сіяніе ангеловъ ослѣпляетъ глаза человѣческіе и что на нихъ нельзя смотрѣть долго; а мнѣ хотѣлось безпрестанно глядѣть на тебя. Я видалъ прежде многихъ красавицъ, дивился

ихъ прелестямъ и часто думалъ: *Господь Богъ не сотворилъ ничего лучше красныхъ Московскихъ дѣвушекъ*; но глаза мои на нихъ смотрѣли, а сердце молчало и не трогалось — онѣ казались мнѣ *чужими*. Ты же первымъ взглядомъ влила какой-то огонь въ мое сердце; первымъ взглядомъ привлекла къ себѣ душу мою, которая тотчасъ полюбила тебя, какъ *родную свою*. Мнѣ хотѣлось броситься и прижать тебя къ моей груди, такъ крѣпко, чтобы ничто уже не могло разлучить насъ. — Ты ушла, и мнѣ показалось, что красное солнце закатилось и ночь наступила. Я стоялъ на улицѣ и не чувствовалъ снѣга, который на меня сыпался; наконецъ я пришелъ въ себя — сталъ спрашивать и, узнавъ, кто ты, возвратился въ свою гостиницу и размышлялъ о милой дочери Боярина Матвѣя. Батюшка часто говорилъ мнѣ о любви, которую почувствовалъ онъ къ матери моей, видѣвъ ее въ первый разъ, и которая не давала ему покоя до самаго того времени, какъ ихъ повели въ церковь. „Со мною то же дѣлается, думалъ я: и мнѣ „нельзя быть ни покойнымъ, ни счастливымъ „безъ милой Натальи. Но какъ надѣяться? „Любимый Царскій Бояринъ захочетъ ли вы- „дать дочь свою за такого человѣка, котораго „отецъ почитается преступникомъ? Правда, „если бы она полюбила меня . . . съ нею „и пустыня лучше Москвы бѣлокаменной.

„Можетъ быть ошибаюсь — только мнѣ
„казалось, что она взглядывала на меня ла-
„сково но я вѣрно ошибаюсь. Какъ
„этому быть? Такое счастье не вдругъ при-
„ходить! — Наступила ночь — и прошла,
„но глаза мои сномъ не смыкались. Ты без-
„престанно была передо мною или въ душѣ
„моей — крестилась бѣлою рукою своею, и
„прятала ее подъ соболью шубейку. — На
„другой день почувствовалъ я сильную боль
„въ головѣ и превеликую слабость, которая
„заставила меня около двухъ сутокъ проле-
„жать на постели. — *Такъ!* перервала На-
„талья: *такъ!* я это знала; сердце мое тоско-
„вало не даромъ. Ни на другой, ни на третій
„день не было тебя у обѣдни.

„Однакожъ и самая болѣзнь не мѣшала
мнѣ о тебѣ думать. Одинъ изъ слугъ моихъ
былъ въ домѣ твоего родителя, видѣлся съ
твоею нянею и уговорилъ ее прійти ко мнѣ
въ гостиницу. Я открылъ старушкѣ любовь
мою; просилъ, кланялся, увѣрялъ въ моей
благодарности — наконецъ она согласилась
быть мнѣ помощницею. — Прочее ты знаешь.
Я видѣлъ тебя въ церкви — иногда льстился
быть любимымъ, примѣчая въ глазахъ твоихъ
нѣжную умильность и краску на лицѣ тво-
емъ, когда встрѣчались наши взоры — на-
конецъ рѣшился узнать судьбу мою — упалъ
къ ногамъ твоимъ, и бѣдный сирота сталъ
счастливейшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Могъ

ли я послѣ твоего признанія разстаться съ тобою? Могъ ли жить подъ другимъ кровомъ и всякій часъ беспокоиться, и всякій часъ думать: *жива ли она? не угрожаютъ ли ей какія опасности? не тоскуетъ ли ея сердце? ахъ! не сватается ли за прекрасную какой нибудь женихъ, богатый и знатный?* — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ оставалось умереть, или жить съ тобою! — Священникъ загородной церкви, который насъ вѣнчалъ, былъ не подкупленъ, а упрошенъ мною; слезы мои тронули старца.

„Теперь извѣстно тебѣ, кто супругъ твой; теперь совершились всѣ мои желанія. Грусть, скука! простите! Для васъ уже нѣтъ мѣста въ уединенномъ моемъ домикѣ. Милая Наталья любитъ меня, милая Наталья со мною! Но я вижу томность въ глазахъ твоихъ; тебѣ надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходитъ, и скоро утренняя заря покажется на небѣ.“

Алексѣй поцѣловалъ Натальину руку. Красавица вздохнула. *Ахъ, для чего нѣтъ съ нами батюшки!* сказала она, прижавшись къ сердцу супруга: *когда мы съ нимъ увидимся? когда онъ благословитъ насъ? когда я при немъ поцѣлую тебя, сердечнаго друга моего?* — „Тотъ, (отвѣчалъ Алексѣй) Тотъ милостивый Богъ, Который далъ мнѣ тебя, вѣрно все для насъ сдѣлаетъ. Положимся на Него: Онъ пошлетъ намъ случай упасть

къ ногамъ твоего родителя и принять его благословеніе.“

Сказавъ сіи слова, онъ всталъ и вышелъ въ переднюю горницу. Тамъ сидѣли люди его съ нянею, которая (увѣрившись, что они не разбойники и что длинные ножи служатъ имъ только обороною отъ лѣсныхъ звѣрей), перестала бояться, познакомилась съ ними, и съ любопытствомъ старой женщины разспрашивала о молодомъ ихъ господинѣ, о причинѣ пустынноческой жизни его, и проч. и проч. Алексѣй пошепталь на ухо одному челоувѣку, и черезъ минуту никого не осталось въ передней: старушку схватили подъ руки и увели въ другую половину. Молодой супругъ возвратился къ своей любезной.

Уже солнце взошло высоко на небѣ и разсыпало по снѣгу милліоны блестящихъ діамантовъ; но въ спальнѣ нашихъ супруговъ все еще царствовало глубокое молчаніе. Старушка мама давно встала, разъ десять подходила къ двери, слушала и ничего не слыхала; наконецъ вздумала тихонько постучаться, и сказала довольно громко: *Пора вставать — пора вставать!* Черезъ нѣсколько минутъ дверь отперли. — Алексѣй былъ уже въ голубомъ кафтанѣ своемъ; Наталья одѣлась съ помощію своей няни, помолилась Богу со слезами, и дожидалась супруга своего, которой между тѣмъ занимался хозяйствомъ, приказывалъ готовить обѣдъ и прочее,

что нужно въ домашнемъ быту. Когда онъ возвратился къ любезной супругѣ, она съ нѣжностію обняла его и сказала тихимъ голосомъ: *Милый другъ! я думаю о батюшкѣ — ахъ! онъ вѣрно тоскуетъ, плачетъ, сокрушается! . . . Мнѣ бы хотѣлось объ немъ слышать; хотѣлось бы знать —* — Наталья не договорила, но Алексѣй понялъ ея желаніе, и немедленно отправилъ въ Москву человѣка, чтобы навѣдаться о Бояринѣ Матвѣѣ.

Но мы предупредимъ сего посланнаго и посмотримъ, что дѣлается въ царственномъ градѣ. Бояринъ Матвѣй долго ждалъ къ себѣ по утру милой своей Натальи, и наконецъ пошелъ въ ея теремъ. Тамъ все было пусто, все въ безпорядкѣ. Онъ изумился — увидѣлъ на столикѣ письмо, развернулъ его, прочелъ — не вѣрилъ глазамъ своимъ — прочелъ въ другой разъ — хотѣлъ еще не вѣрить — но дрожація ноги его подогнулись — онъ упалъ на землю. Нѣсколько минутъ продолжалось его безпамятство. Образумившись, приказалъ онъ людямъ вести себя къ Государю. *Государь!* сказалъ трепещущій старецъ — *Государь!* . . . Онъ не могъ говорить и подалъ Царю Алексѣю письмо. Чело благочестиваго Монарха помрачилось гнѣвомъ. *Кто сей недостойный соблазнитель?* сказалъ онъ: *но вездѣ найдетъ его грозная рука правосудія* — сказалъ, и во всѣ страны Русскаго царства отправились гонцы, съ

повелѣніемъ искать Наталью и ея похитителя.

Царь утѣшалъ Боярина, какъ своего друга. Вздохи и слезы облегчили стѣсненную грудь несчастнаго родителя, и чувство гнѣва въ сердцѣ его уступило мѣсто нѣжной горести. „Богъ видитъ“ — сказалъ онъ, взглянувъ на небо — „Богъ видитъ, какъ я любилъ тебя, „неблагодарная, жестокая, милая Наталья! . . . „Такъ, Государь! она и теперь мила мнѣ „болѣе всего на свѣтѣ! . . . Кто увезъ ее „изъ родительскаго дома? Гдѣ она? что съ „нею дѣлается? . . . Ахъ! на старости лѣтъ „моихъ я побѣждалъ бы за нею на край „свѣта! . . . Можетъ быть какой нибудь „злодѣй оболѣстилъ невинную и послѣ бро- „ситъ, погубить ее . . . Нѣтъ! дочь моя не „могла полюбить злодѣя! . . . Но для чего „же не открыться родителю? . . . Кто бы „онъ ни былъ, я обнялъ бы его, какъ сына. „Развѣ Государь меня не жалуешь? Развѣ „онъ не сталъ бы жаловать и зятя моего? . . . „Не знаю, что думать!! . . . Но ее нѣтъ! . . . „Я плачу: она не видитъ слезъ моихъ — „умру: она не затворитъ глазъ отца, кото- „рый полагалъ въ ней жизнь и душу свою? . . . „Правда, безъ воли Всевышняго ничего не „дѣлается; можетъ быть, я заслужилъ нака- „заніе руки Его . . . Покоряюсь безъ роп- „танія! . . . Объ одномъ прошу тебя, Гос- „поди: будь ей отцомъ милосердымъ во

„всякой странѣ. Пусть умру въ горести —
„лишь бы дочь моя была благополучна! . . .
„Нельзя, чтобы она не любила меня,
„нельзя . . .“ — (Тутъ Бояринъ Матвѣй взялъ
письмо и снова прочелъ его.) — „Ты пла-
„кала; эта бумага мокра отъ слезъ твоихъ:
„я буду хранить ее на моемъ сердцѣ, какъ
„последній знакъ любви твоей. — Ахъ!
„если ты ко мнѣ возвратишься, хотя за
„часъ до моей смерти Но какъ угодно
„Всевышнему! — Между тѣмъ отецъ твой,
„сирота на старости, будетъ отцомъ несчаст-
„ныхъ и горестныхъ; обнимая ихъ, какъ дѣтей
„своихъ — какъ твоихъ братій — онъ ска-
„жетъ имъ со слезами: *друзья! молитесь о*
„*Натальѣ.*“ — Такъ говорилъ Бояринъ Мат-
вѣй, и чувствительный Царь былъ тронутъ до
глубины сердца.

Отнынѣ, добрый Бояринъ, жизнь твоя
покрывается мракомъ печали — увы! и самая
добродѣтель не можетъ насъ предохранить
отъ горести! Безпрестанно будешь ты ду-
мать о милой сердца твоего — вздыхать и
сидѣть подгорюнившись передъ широкими во-
ротами своего дома! Никто, никто не при-
несетъ тебѣ вѣсти о прелестной Натальѣ!
Царскіе гонцы возвратятся, и вздохъ ихъ
будетъ отвѣтомъ на вопросы твои. Сядутъ
бѣдные за столы нищелюбиваго Боярина, но
хлѣбъ его покажется имъ горекъ — ибо они
увидятъ скорбь на лицѣ своего благодѣтеля!

Между тѣмъ Алексѣевъ посланный возвратился въ пустыню съ извѣстіемъ, что Бояринъ Матвѣй былъ во дворцѣ Царскомъ и что по всей Россіи велѣно искать его пропавшей дочери. Наталья хотѣла знать болѣе и спрашивала, что написано было на лицѣ родителя ея, когда онъ шелъ изъ дворца Государева; вздыхалъ ли онъ, плакалъ ли, не произносилъ ли тихонько ея имени? Посланный не могъ отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ*, ибо онъ хотя и видѣлъ Боярина, но смотрѣлъ на него не проникательными глазами нѣжной дочери. *Для чего, сказала Наталья, для чего не могу я превратиться въ невидимку или въ маленькую птичку, чтобъ слетѣть въ Москву бѣлокаменную, взглянуть на родителя, поцѣловать руку его, выронить на нее слезу горячую, и возвратиться къ милому моему другу?* — „Ахъ, нѣтъ! я не пустилъ бы тебя! отвѣчалъ Алексѣй: почему знать, чтобы могло съ тобою случиться? Нѣтъ, мой другъ! я не могу и вздумать о разлукѣ — а ты можешь!“ — Наталья почувствовала нѣжную укоризну и оправдалась передъ супругомъ улыбкою, слезами и поцѣлуемъ.

Теперь надлежало бы мнѣ описывать счастье юныхъ супруговъ и любовниковъ, сокрытыхъ лѣснымъ мракомъ отъ цѣлаго свѣта; но вы, которые наслаждаетесь подобнымъ счастіемъ, скажите, можно ли описать его? — Наталья и Алексѣй, живучи въ сво-

емъ уединеніи, не видали, какъ текло или летѣло время. Часы и минуты, дни и ночи, недѣли и мѣсяцы сливались въ пустынь ихъ, какъ струи рѣчныя, не различаемыя глазомъ человѣческимъ. Ахъ! удовольствія любви бываютъ всегда одинаковы, но всегда новы и безчисленны. Наталья просыпалась и — любила; вставала съ постели и — любила; молилась и — любила; что ни думала, все любила и всѣмъ наслаждалась. — Алексѣй тоже, и чувства ихъ составляли восхитительную гармонію.

Но читатель не долженъ думать, чтобы они въ уединенной жизни своей только смотрѣли другъ на друга и сидѣли отъ утра до вечера, поджавъ руки — нѣтъ! Наталья принялась за рукодѣлье, за пяльцы, и скоро вышила разными шелками и разными узорами двѣ прекрасныя ширинки: первую для милаго супруга, чтобы онъ утиралъ ею бѣлое лице свое, а другую для любезнаго родителя. *Когда нибудь мы поведемъ къ нему!* говорила красавица и тихонько вздыхала. — Что принадлежитъ до Алексѣя, то онъ, сидя подлѣ своей супруги, рисовалъ перомъ разные ландшафты и картинки — любовался тѣмъ, что нравилось Натальѣ, и старался поправить то, что ей казалось несовершеннымъ. Такъ, любезный читатель! Алексѣй умѣлъ рисовать, и притомъ весьма не худо, ибо сама природа выучила его сему искусству. Онъ видѣлъ

образъ кудрявыхъ деревъ въ рѣкахъ прозрачныхъ и вздумалъ означать тѣнь сію на бумагѣ; опытъ былъ удаченъ, и скоро чертежи его сдѣлались вѣрными копіями природы; не только дерева, но и другіе предметы изображались имъ съ величайшею точностію. Красавица смотрѣла на движеніе руки его и дивилась, какъ онъ могъ однѣми чертами пера своего представлять разные виды: то рощу дубовую, то башни Московскія, то дворець Государевъ. — Но Алексѣй уже не сражался съ дикими звѣрями: ибо они, (какъ будто бы изъ уваженія къ прекрасной Натальѣ, новой обитательницѣ ихъ дремучаго лѣса), не приближались къ жилищу супруговъ и ревѣли только въ отдаленіи.

Такимъ образомъ пришла зима; снѣгъ растаялъ; рѣки и ручья зашумѣли, земля опушилась травкою, и зеленые пучечки распустились на деревьяхъ. Алексѣй выбѣжалъ изъ своего домика, сорвалъ первый цвѣточекъ и принесъ его Натальѣ. Она улыбнулась, поцѣловала своего друга — и въ самую сію минуту зацѣли въ лѣсу весеннія птички. *Ахъ! какая радость! какое веселье!* сказала красавица: *мой другъ! пойдѣмъ гулять!* — Они пошли и сѣли на берегу рѣки. „Знаешь ли, сказала Наталья супругу своему — знаешь ли, что прошедшею весною не могла я безъ грусти слушать птичекъ? Теперь мнѣ кажется, будто я ихъ разумѣю и одно съ

ними думаю. Посмотри: здѣсь на кусточкѣ поютъ двѣ птички — кажется, малиновки — посмотри, какъ онѣ обнимаются крылышками; онѣ любятъ другъ друга, такъ, какъ я люблю тебя, мой другъ, и какъ ты меня любишь! Не правда ли?“ Всякій можетъ вообразить себѣ отвѣтъ Алексѣевъ и разныя удовольствія, которыя весна принесла съ собою для нашихъ пустынниковъ.

Но нѣжная дочь, наслаждаясь любовію, не забывала и своего родителя. Алексѣй долженъ былъ всякую недѣлю два или три раза посылать въ Москву человѣка, навѣдываться о Бояринѣ Матвѣѣ. Вѣсти привозились одинакія: Бояринъ дѣлалъ добрыя дѣла, печалился, кормилъ бѣдныхъ и говорилъ имъ: *Друзья! помолитесь о Натальѣ!* Наталья вздыхала и смотрѣла на образъ.

Однажды возвратился посланный съ великою поспѣшностію. „Государь! сказалъ онъ Алексѣю: „Москва въ смятеніи. Свирѣпыя „Литовцы возстали на Русское царство. Я „видѣлъ, какъ жители престольнаго града „собирались передъ дворцомъ Государевымъ „и какъ Бояринъ Матвѣй, именемъ Царя „православнаго, ободрялъ воиновъ; я видѣлъ, „какъ толпы народныя бросали вверхъ шапки „свои, восклицая въ одинъ голосъ: *умремъ за „Царя Государя! умремъ за отечество, или „побѣдимъ Литовцевъ!* Я видѣлъ, какъ русское войнство въ ряды становилось, какъ

„сверкали его мечи и бердыши и копыя булатныя. Завтра выйдетъ оно въ поле, подъ начальствомъ воеводъ храбрѣйшихъ.“ — Сердце Алексѣево затрепетало; кровь закипѣла — онъ схватилъ со стѣны мечъ отца своего — взглянулъ на супругу — и мечъ упалъ на землю — слезы показались въ глазахъ его. Наталья взяла его за руку и не говорила ни слова. — „Любезная Наталья! сказалъ Алексѣй по нѣкоторомъ молчаніи: ты желаешь возвратиться въ домъ къ своему родителю?“

Наталья. Съ тобою, мой другъ, съ тобою! Ахъ! я не смѣла говорить тебѣ; только мнѣ всегда казалось, что мы напрасно скрываемся отъ батюшки. Увидя насъ, онъ такъ обрадуется, что все забудеть: а я возьму за руку тебя и его, заплачу отъ радости и скажу: *вотъ они; вотъ тѣ, которыхъ люблю* — *теперь я совершенно счастлива!*

Алексѣй. Но мнѣ надобно заслужить прежде милость Царскую. Теперь есть къ тому случай.

Наталья. Какой же, мой другъ?

Алексѣй. Ъхать на войну, сразиться съ неприятелями Русскаго царства и побѣдить. Царь увидитъ тогда, что Любославскіе любятъ его и вѣрно служатъ своему отечеству.

Наталья. Поѣдемъ, мой другъ! Лишь бы ты былъ со мною: я всюду готова.

Алексѣй. Что ты говоришь, милая На-

талья? Тамъ летаютъ смертоносныя стрѣлы; тамъ рубятся мечами: какъ тебѣ ѣхать со мною?

Наталья. И такъ ты хочешь меня оставить? хочешь моей смерти? потому что я не могу жить безъ тебя. Давно ли, мой другъ, давно ли говорилъ ты, что никогда не покинешь меня? А теперь думаешь ѣхать одинъ, и еще туда, гдѣ летаютъ стрѣлы? Кто защититъ тебя? Нѣтъ, ты возьмешь меня съ собою — или бѣдная Наталья не мила уже сердцу твоему!

Алексѣй обнялъ свою супругу. „Поѣдемъ, сказалъ онъ, поѣдемъ, и умремъ вмѣстѣ, если такъ Богу угодно! Только на войнѣ не бываетъ женщинъ, милая Наталья!“ — Красавица подумала, улыбнулась, пошла въ спальню и заперла за собою дверь. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда прекрасный отрокъ. . . . Алексѣй изумился; но скоро узналъ въ семъ юномъ красавцѣ любезную дочь Боярина Матвѣя и бросился цѣловать ее. Наталья одѣлась въ платье своего супруга, которое носилъ онъ, будучи тринадцати или четырнадцати лѣтъ: „Я меньшей братъ твой, сказала она съ усмѣшкою, теперь дай мнѣ только мечъ острый и копье булатное, шишакъ, панцырь и щитъ желѣзный — увидишь, что я не хуже мужчины.“ — Алексѣй не могъ нарадоваться своимъ милымъ героемъ, выбралъ ему самое легкое оружіе, нарядилъ его въ

панцырь, сдѣланный изъ мѣдныхъ колець, (на которомъ было написано: *съ нами Богъ: никто же на ны!* (*)); вооружилъ людей своихъ, готовыхъ умереть за любезнаго господина; надѣлъ латы покойнаго отца своего — и черезъ нѣсколько часовъ въ пустынномъ домикѣ осталась одна Натальяна мама съ двумя стариками.

А мы оставимъ на нѣсколько времени сунруговъ нашихъ въ надеждѣ, что небо не оставитъ ихъ и будетъ имъ защитою въ опасностяхъ, тамъ, гдѣ летаютъ смертоносныя стрѣлы, гдѣ мечи сверкаютъ, какъ молніи, гдѣ копыя трещать и ломаются, гдѣ кровь человѣческая льется рѣками, гдѣ герои умираютъ за свое отечество и дѣлаются безсмертными. Возвратимся въ Москву — тамъ началась наша исторія, тамъ должно ей и кончиться.

Увы! какая пустота въ столицѣ Россійской! Все тихо, все печально. На улицахъ не видно никого, кромѣ слабыхъ старцевъ и женщинъ, которые съ унылыми лицами идутъ въ церковь, молить Бога, чтобы Онъ отвратилъ грозную тучу отъ Русскаго царства, даровалъ побѣду православнымъ воинамъ и развѣялъ сонмы Литовскіе. Добросердечный, чувствительный Царь стоитъ на высокомъ

*) Въ Оружейной Московскои Палатѣ я видѣлъ много панцырей съ сею надписью.

крыльцѣ своемъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вѣсти отъ начальниковъ воинства, пошедшаго на встрѣчу врагамъ многочисленнымъ. Бояринъ Матвѣй неразлученъ съ Царемъ благочестивымъ. „Государь! говоритъ онъ: надѣйся на Бога и на храбрость своихъ подданныхъ, храбрость, которая отличаетъ ихъ отъ всѣхъ иныхъ народовъ. Страшно разятъ мечи русскіе; тверда, подобно камню, грудь сыновъ твоихъ — побѣда будетъ вѣрною ихъ подругою.“ — Такъ говорилъ Бояринъ; думалъ о благѣ отечества и тосковалъ о своей дочери.

Въ поту, въ пыли прискакалъ вѣстникъ — Царь встрѣчаетъ его на половинѣ крыльца и дрожащею рукою развертываетъ письмо военноподданныхъ. . . . Первое слово есть *побѣда*. — *Побѣда!* восклицаетъ онъ въ радости — *побѣда!* восклицаютъ Бояре — *побѣда!* народъ повторяетъ — и во всемъ царственномъ градѣ раздавался одинъ голосъ: *побѣда!* и во всѣхъ сердцахъ было одно чувство: *радость!*

Начальники донесли Государю обо всемъ съ величайшею подробностію. Сраженіе было самое жестокое. Уже первый рядъ русскаго воинства, тѣснимый безчисленнымъ множествомъ Литовцевъ, начиналъ колебаться и хотѣлъ уступить врагу сильнѣйшему; но вдругъ, какъ громъ, загремѣлъ голосъ: *умремъ или побѣдимъ!* и въ то же мгновеніе отъ рядовъ

россійскихъ отдѣлился молодой воинъ и съ мечемъ въ рукѣ бросился на непріятелей; за нимъ бросились и другіе; все воинство двинулось, и восклицая: *умремъ или побѣдимъ!* устремилось, какъ буря, на Литовцевъ, которые, не взирая на великое число свое, скоро побѣжали и разсѣялись. „Мы не можемъ, писали начальники, восхвалить по достоинству того юнаго воина, которому принадлежитъ вся честь побѣды, и который гналъ, разилъ непріятелей, и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасный отрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ. Онъ не хочетъ объявить имени своего никому, кромѣ тебя, Государя. — Побѣжденные Литовцы спѣшатъ изъ предѣловъ Россіи, и скоро воинство твое возвратится со славою въ градъ Москву. Мы сами представимъ Царю непобѣдимаго юношу, спасителя отечества, и достойнаго всей твоей милости.“ —

Царь съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ героевъ и выѣхалъ встрѣтить ихъ въ поле, вмѣстѣ съ Бояриномъ Матвѣемъ и съ другими чиновниками. Въ Москвѣ никого не осталось; слабые старцы, забывъ слабость, спѣшили за городъ на встрѣчу къ своимъ дѣтямъ: супруги и матери, неся младенцевъ или ведя ихъ за руки, спѣшили туда же. Первый рядъ воинства показался, — второй и третій; разноцвѣтныя знамена вѣяли надъ оными; воины

шли съ обнаженными мечами, ровнымъ шагомъ; назади ѣхали конные — впереди начальники, подъ сѣнію трофеевъ. Увидѣли Государя, и восклицанія: *побѣда и здравіе Царю Россійскому!* загремѣли въ воздухъ. Воеводы упали передъ нимъ на колѣни. Онъ поднималъ ихъ и сказалъ съ улыбкою милости: *благодарю васъ именемъ отечества.* — „Государь! отвѣчали они: мы старались исполнить должность свою! Но Богъ даровалъ намъ побѣду рукою сего юнаго воина.“ — Тутъ юный воинъ, стоявшій подлѣ нихъ съ потупленнымъ взоромъ, преклонилъ колѣно. *Кто ты, храбрый юноша?* спросилъ Государь, простирая къ нему правую руку свою: *имя твое должно быть славно въ предѣлахъ Русскаго царства.* — „Государь, отвѣтилъ юноша: сынъ осужденнаго Боярина Любославскаго, скончавшаго дни свои въ странѣ иновѣрныхъ, приносить тебя свою голову. — Царь поднималъ глаза на небо. „Благодарю Тебя, Боже! (сказалъ онъ), что Ты посылаешь мнѣ случай хотя отчасти загладить неправосудіе и злобу людей, и за страданіе невиннаго отца наградить достойнаго сына! Тагъ, храбрый юноша! невинность родителя твоего открылась — къ несчастію, поздно! Увы! я былъ тогда незрѣлымъ отрокомъ, и Бояринъ Матвѣй еще не имѣлъ мѣста въ совѣтѣ моемъ. Злые Бояре оклеветали Любославскаго; одинъ изъ нихъ, кончая недавно жизнь свою, при-

знался въ несправедливости доносовъ, по которымъ осудили невиннаго. Видишь слезы мои. — Будь же другомъ Царя своего, первымъ по Бояринѣ Матвѣѣ!“ — „И такъ память отца моего, сказалъ Алексѣй, чиста отъ поношенія!.... Но я — я вивенъ передъ тобою, Государь великій! я увезъ дочь Боярина Матвѣя изъ родительскаго дома!“ — Царь удивился. *Гдѣ же она?* спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ. — — Но Бояринъ уже нашелъ дочь свою: прекрасная Наталья, въ одеждѣ воина, бросилась въ его объятія; шишакъ спалъ съ головы ея, и русые волосы по плечамъ разсыпались. Изумленный, восхищенный родитель не смѣлъ вѣрить сему явленію; но сердце чувствительнаго старца сильнымъ трепетомъ своимъ увѣряло его, что милая нашлась. Едва могъ онъ перенести радость свою, и упалъ бы на землю, если бы другіе Бояре не поддержали его. Долго не говорилъ онъ ни слова, опустивъ голову на плечо Натальѣ; наконецъ назвалъ ее именемъ, какъ будто бы желая видѣть, откликнется ли она — назвалъ ее своею милою, прекрасною, — и при каждомъ ласковомъ словѣ сіялъ новый лучъ радости на лицѣ его, которое такъ долго было печальнымъ! Базалось, будто языкъ его учился произносить давно забытыя имена: столь медленно онъ ихъ выговаривалъ и повторялъ столь часто! Наталья цѣловала его руки. *Ты меня такъ же любишь!* говорила она — *такъ же*

любишь! и теплые ручки слезъ договаривали за все прочее. Все воинство пребывало въ тишинѣ и въ молчаніи. Государь былъ тронутъ сердечно, взялъ Алексѣя за руки и подвелъ его къ Боярину. *Вотъ, сказала Наталья — вотъ супругъ мой! прости его, родитель мой, и люби такъ, какъ меня любишь!* Бояринъ Матвѣй поднялъ голову, посмотрѣлъ на Алексѣя и подалъ ему дрожащую руку свою. Молодой человѣкъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни, но старецъ прижалъ его къ своему сердцу вмѣстѣ съ милою дочерью. . . .

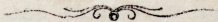
Царь. Они достойны другъ друга, и будутъ твоимъ утѣшеніемъ въ старости.

„Она дочь моя, (сказалъ Бояринъ Матвѣй прерывающимся голосомъ) — онъ сынъ мой — Господи! дай мнѣ умереть въ ихъ объятіяхъ!“

Старецъ снова прижалъ ихъ къ своему сердцу.

Читатель вообразить себѣ все послѣдующее. — Старушку няню привезли въ городъ; Бояринъ Матвѣй простилъ ее; и призвавъ къ себѣ того священника, который вѣнчалъ Алексѣя и Наталью, хотѣлъ, чтобы онъ снова благословилъ ихъ въ его присутствіи. Супруги жили счастливо и пользовались особенною Царскою милостію. Алексѣй оказалъ важныя услуги отечеству и Государю, услуги, о которыхъ упоминается въ разныхъ историче-

скихъ рукописяхъ. Благодарительный Бояринъ Матвѣй дожилъ до самой глубокой старости и веселился своею дочерью, своимъ зятемъ и прекрасными дѣтьми ихъ. Смерть явилась ему въ видѣ юнѣйшаго и любезнѣйшаго внука его; онъ хотѣлъ обнять милаго отрока — и скончался. — Больше я ничего не слыхалъ отъ бабушки моего дѣдушки; но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, прогуливаясь осенью по берегу Москвы-рѣки, близъ темной сосновой рощи, нашелъ я надгробный камень, заросшій зеленымъ мохомъ и разломленный рукою времени — съ великимъ трудомъ могъ я прочесть на немъ слѣдующую надпись: *здесь погребенъ Алексѣй Любославской съ своею супругою*. Старые люди сказывали мнѣ, что на семъ мѣстѣ была нѣкогда церковь — вѣроятно, самая та, гдѣ вѣнчались наши любовники, и гдѣ они захотѣли лежать и по смерти своей.

451222